

Н.А. Любимов

**Михаил Никифорович
Катков и его историческая
заслуга**

**По документам и личным
воспоминаниям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.А. Любимов**
Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: По документам
и личным воспоминаниям / Н.А. Любимов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
360 с.

ISBN 978-5-4241-8783-4

ISBN 978-5-4241-8783-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МИХАИЛЬ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ.

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общее обозрѣніе дѣятельности Михаила Никифоровича.

I.

За семь мѣсяцевъ до своей кончины, въ декабрѣ 1886 года, М. Н. Катковъ написалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 341) статью, съ виду парадоксальную, но, по отношенію къ самому автору, вѣрную дѣйствительности и бывшую выраженіемъ его искренняго убѣжденія. Михаилъ Никифоровичъ утверждалъ, что печать у насъ, по существу дѣла, болѣе независима и свободна, чѣмъ гдѣ-либо.

„Печать въ Россіи и, быть можетъ, только въ Россіи,—говорилъ онъ,—находится въ условіяхъ, позволяющихъ ей достигать чистой независимости. Мы не знаемъ ни одного органа въ иностранной печати, который могъ бы въ истинномъ смыслѣ назваться независимымъ. Въ такъ называемыхъ конституціонныхъ, въ противоположность Россіи, государствахъ есть партіи, которыя борются за власть и во власти участвуютъ. Политическая печать въ этихъ странахъ

служить для этихъ своевластныхъ партій органомъ. Печать въ этихъ странахъ не есть выраженіе совѣсти, свободной отъ власти и не замѣшанной въ интересы борющихся за нее партій. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать къ успѣху своей партіи и заботится не о томъ, чтобы раскрыть и уяснить дѣло, а чтобы запутать и затемнить его. Въ Россіи же, гдѣ такихъ партій не имѣется, именно и возможны совершенно независимые органы. Отъ правительства печать въ Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ все, во всякой странѣ, находится въ зависимости отъ предрѣшающей власти, дающей законы, ихъ исполняющей и бодрствующей надъ ихъ исполненіемъ...

„Говорятъ,—продолжаетъ авторъ,— что Россія лишена политической свободы; говорятъ, что хотя русскимъ подданнымъ и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имѣютъ правъ политическихъ. Русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ права политическія; они имѣютъ политическія обязанности. Каждый изъ русскихъ обязанъ стоять на стражѣ правъ Верховной Власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгу вѣрноподданнаго. Вотъ наша конституція. Она вся, безъ параграфовъ, содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги на вѣрность. Вотъ наши политическія гарантіи. Какое же правительство, не потерявшее смыслъ, можетъ отнимать у людей право исполнять то, что вѣлеть имъ долгъ присяги? Надобно только, чтобы мы поняли эту конституцію нашу во всей ея силѣ и умѣли бы ею пользоваться должнымъ образомъ въ устройствѣ и веденіи нашихъ дѣлъ. Когда не было на свѣтѣ русской политической печати, не могло быть и рѣчи о ея обязанностяхъ. На свѣтѣ же могла она явиться только какъ новый, особый, требуемый временемъ способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользахъ престола и отечества, ни въ чемъ не раздѣляя ихъ, дабы держаться на твердой почвѣ и не теряться въ без-

плодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ. Другаго смысла узаконенная въ Россіи политическая печать, обнимающая въ своемъ кругозорѣ все вопросы государственной жизни, имѣть не можетъ. Всякій, кто за это дѣло въ Россіи серьезно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностію и становится призваніемъ. Онъ долженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его, гдѣ бы оно ни загнивалось и какую бы личину ни принимало. Его долгъ—доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакими прельщеніями съ одной стороны, никакими вынужденіями—съ другой. Вотъ какимъ долженъ быть серьезный политическій органъ въ Россіи. Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совѣсти“.

Такъ говорилъ Катковъ въ минуты, когда политическое значеніе его достигло высшей точки, когда имя его наполнило міръ, когда не было газеты, гдѣ бы не говорилось о его выдающейся, необыкновенной роли, о его отношеніяхъ къ германской политикѣ и русскому министерству иностранныхъ дѣлъ, о быстро возросшей симпатіи къ нему во Франціи, когда къ словамъ его прислушивались милліоны, и его независимый голосъ принимался во вниманіе въ совѣтахъ Верховной Власти. Тѣмъ знаменательнѣе эти строки, вылившіяся подъ впечатлѣніемъ минуты, въ отвѣтъ на обычное въ иностранной дипломатіи и журналистикѣ призываніе русскаго правительства къ отвѣтственности за высказываемое въ русской печати. Въ этой почти предсмертной исповѣди своего значенія, сказанной, когда дыханіе смерти, ни къмъ еще не предчувствованное, уже незримо приближалось, маститый публицистъ, не могшій не ощущать высоты своего положенія, даетъ отвѣтъ на существенный вопросъ: какъ сознавалъ онъ, на закатѣ дѣятельности, себя и свое призваніе? Какъ видимъ, — онъ сознавалъ себя воплощеніемъ русской

независимой печати и усматривалъ въ этомъ *службу* по со-
вѣсти престолу и отечеству, „ни въ чемъ ихъ не раздѣляя“.

II.

Катковъ былъ создателемъ русской политической пе-
чати. Едва-ли кто станетъ опровергать справедливость этого
положенія, которое ниже надѣмся уяснить подробно. Рус-
ская политическая печать, какъ новое явленіе, вызванное
временемъ, народилась съ воцареніемъ Александра II,
окрѣпла и утвердилась съ 1863 года послѣ очевидно оказан-
ной отечеству услуги.

Политическая печать обычно понимается какъ выраженіе
той силы, которая именуется общественнымъ мнѣніемъ. Въ
царствованіе, предшествовавшее эпохѣ Александра II, однимъ
изъ главныхъ догматовъ управленія было поставленіе вопро-
совъ государственнаго интереса внѣ всякаго участія, вмѣша-
тельства; даже свѣдѣнія кого-либо, кромѣ лицъ оффиціально
къ тому призванныхъ. Всякое неоффиціальное обсужденіе та-
кихъ вопросовъ, всякое невызванное прямо правительствомъ
заявленіе по ихъ поводу признавались неумѣстными и неза-
конными, подлежащими устраненію и преслѣдованію. Обще-
ственное мнѣніе не считалось имѣющимъ право на существо-
ваніе и разсматривалось какъ зло, государственною властію
нетерпимое. Въ минуты, требовавшія патріотическихъ усилій
народа, лицамъ и группамъ предоставлялось отвѣтствовать на
призывъ власти предложеніемъ пожертвованій, матеріаль-
ныхъ и личныхъ, и дѣйствіями, соотвѣтственными этимъ
предложеніямъ. Но всякое невызванное прямо заявленіе счи-
талось недопустимымъ. Только дворянскія собранія, въ силу
дворянской грамоты, могли по своей инициативѣ обращаться
къ власти съ заявленіемъ о нуждахъ дворянскаго сословія.
Когда въ минуты патріотическаго подъема 1863 года посы-
пались къ подножію престола со всѣхъ сторонъ адреса,
явленіе это было новымъ, небывалымъ, имѣющимъ харак-
теръ либеральной новизны.

Въ Севастопольскомъ испытаніи нашей силы и нашей слабости потерпѣла крушеніе система управленія при общественномъ безмолвіи, какъ главномъ условіи государственнаго порядка. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло новымъ духомъ. Мнѣніе, вчера стѣсненное и гонимое, стало проявлять себя. „Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“, говорилъ, при громѣ одобренія, покойный Н. Ф. Павловъ на общественномъ обѣдѣ 28 декабря 1857 года, въ Москвѣ, устроенномъ при содѣйствіи редакторовъ и сотрудниковъ *Русскаго Вѣстника*, обѣдѣ съ политическимъ характеромъ, какой два-три года тому назадъ былъ бы немислимъ. Чествованіе новой эпохи было мѣстѣ и чествованіемъ царственнаго вождя. „Кто мы и зачѣмъ мы здѣсь?“ спрашивалъ М. Н. Катковъ. „Люди разныхъ мнѣній, разныхъ убѣжденій, которые, быть можетъ, во всемъ чувствовали между собою бездну раздѣленія, мы собрались теперь, повинувшись одному всѣмъ намъ общему чувству. Каждый изъ насъ пришелъ сюда не по внѣшнему побужденію, а по внутреннему влеченію: никто не былъ обязанъ, и всѣ мы явились для выраженія этого общаго чувства для запечатлѣнія глубокой, чистой, искренней преданности Тому, въ комъ наша родина обрѣла свое чаяніе... Какъ бы ни мало значенія и силы имѣли, видимому, лица, собравшіяся здѣсь, они вѣрятъ, что эта минута не пропадетъ даромъ и сохранится въ исторіи“.

Пишущій эти строки припоминаетъ, съ какимъ громомъ сочувствія на другомъ общественномъ обѣдѣ,—имѣвшемъ мѣсто въ Парижѣ въ то же почти время, 12 января 1858 года, въ день чествованія годовщины основанія Московскаго университета, въ такъ называемый Татьянинъ день, и собравшемъ почти всю русскую парижскую колонію,—встрѣчены были произнесенныя имъ слова: „Мы стоимъ при дверяхъ свѣтлой эпохи, эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; когда пробуждается общественное сознаніе, ободряемое нашимъ царственнымъ Вождемъ, Вождемъ, который владѣетъ и нашей волею, и нашими сердцами; эпохи, когда правительство до вѣрчиво обращается къ цѣлому сословію, поставляя его

судею въ его собственномъ дѣлѣ и ожидая отъ него великодушія и истиннаго благородства; когда начинающаяся гласность не правится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта“.

Общественное мнѣніе стало признаваться и привываться, какъ могущественный рычагъ государственнаго упорядоченія и прогресса. Потребность въ свободномъ словѣ, въ гласности и соединенномъ съ нею обличеніи сдѣлалась главною потребностью.

Вотъ эпоха, при началѣ которой Михаилъ Никифоровичъ выступилъ на поприщѣ самостоятельной журнальной дѣятельности, основавъ въ 1856 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими близкими людьми, новый органъ публичнаго слова—*Русскій Вѣстникъ*. Новое изданіе отвѣтило потребностямъ минуты и имѣло быстрый успѣхъ.

Когда въ послѣдствіи политическая дѣятельность Каткова породила цѣлый легионъ враговъ, тѣ изъ нихъ, которые самованно стали присвоивать себѣ монополію либерализма и выставяли Михаила Никифоровича нѣкоторымъ пугаломъ, враждебнымъ всему либеральному, измѣнившимъ своему начальному направленію, начали различать *Русскій Вѣстникъ* первой эпохи отъ *Русскаго Вѣстника* послѣдующаго времени и благосклонно причислять первый къ либеральному теченію, выставяя второй повернувшимъ въ противную сторону.

Въ первой части этого заявленія есть доля правды.

Въ первую эпоху литературнаго движенія, наступившаго съ новымъ царствованіемъ, скрытая рознь, какая таилась въ этомъ движеніи, не была еще замѣтна. Было теченіе какъ бы однимъ общимъ потокомъ. *Современникъ* привѣтствовалъ *Русскій Вѣстникъ*, столкновения съ славянофилами только-что стали обозначаться. Но скоро рознь направленій выступила наружу. Съ потокомъ *Современника*, радикальнымъ и соціально-революционнымъ, сквозь цензурныя рамки примыкавшимъ къ „Колоколу“ Герцена и подпольной печати, у *Русскаго Вѣстника* обнаружилась отношенія борьбы и вражды; съ славянофилами сложились болѣе сложныя отношенія,—

отчасти, опредѣлявшіяся тѣмъ, что сотрудники *Русскаго Вѣстника* въ большинствѣ были изъ лагеря „западниковъ“, приобъщившихъ въ пререканіямъ съ славянофилами, тогда какъ самъ издатель *Вѣстника* никогда не былъ западникомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Разборомъ тѣхъ и другихъ отношеній ми будемъ имѣть случай заняться въ свое время.

III.

Объявившейся новой силѣ общественнаго мнѣнія и печатнаго слова предстояла великая проба. Свершилось славное дѣяніе уничтоженія крѣпостнаго права. Такой переворотъ не долженъ ли распатать старое зданіе? Для свободной Россіи наступили дни великаго историческаго испытанія. Поднялся вопросъ о ея бытіи, какъ могущественнаго единаго государства. Время казалось благоприятнымъ, чтобы выдвинуть польское дѣло, искусно подготовленное. Враждебный расчетъ сулилъ, повидимому, вѣрный успѣхъ. Патриотическій инстинктъ, національное чувство таились въ массѣ невидимо для глаза. То, что было на виду, обнаруживало слабость и отсутствіе патриотизма; въ правительствѣ замѣчалась неувѣренность и нерѣшительность. Въ томъ кругѣ, гдѣ слагается общественное мнѣніе, въ большинствѣ господствовали крайнее политическое недомысліе, податливость на обманъ и готовность предать интересы страны на жертву фальшивому либерализму.

Вспыхнулъ польскій мятежъ 1863 года. Какъ отвѣтитъ Россія? Событіе совпало съ переходомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ руки Каткова и Леонтьева. Громко раздалось патриотическое слово. Это былъ несомнѣнно голосъ Россіи. Свободное слово, прорвавшись чрезъ цензурныя препятствія, сослужило великую службу Россіи. Значеніе общественнаго мнѣнія поднялось и укрѣпилось.

Русскіе люди всѣхъ чиновъ и званій почувствовали толчекъ свободнаго слова; со всѣхъ сторонъ обратились къ престолу со своими патриотическими заявленіями. Угрозы,

съ какими обращались къ намъ западныя державы и предъ которыми почти было отступало правительство, мгновенно разсѣялись. „Что случилось?“—спрашивали „Московскія Вѣдомости“ въ маѣ 1869 г.—„Ничего болѣе, какъ то, что русскій народъ подалъ признакъ жизни и духа, которыхъ въ немъ не ожидала введенная въ обманъ Европа. Тогда они думали, что Россія находится въ состояніи полного разложенія, что въ ея нѣдрахъ кишитъ бессмысленная революція, что русскій народъ утратилъ всякій смыслъ и духъ, что русское общество неспособно къ самостоятельной политической жизни, что каждый такъ называемый русскій есть измѣнникъ своему отечеству и готовъ продать его за безцѣнокъ... Теперь взгляды Европы измѣнились, она видитъ предъ собою не мертвую массу, а живую силу, съ которой должно считаться и которая не уступитъ ничего безъ жестокаго смертнаго боя. Европа не можетъ сомнѣваться въ искренности того высокаго патріотическаго чувства, которое у насъ овладѣло всѣми классами общества и слило всѣхъ и все въ одно живое, крѣпко-могущественное цѣлое“. „Пока народъ живетъ,—писалъ Михаилъ Никифоровичъ около того же времени въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ статьѣ „Русскій вопросъ“,—онъ есть сила, проходящая чрезъ миллионы людей, невѣдомо для нихъ самихъ... Что это за сила, объ этомъ можемъ мы толковать на досугѣ, но эта сила есть. Въ обыкновенную пору она бываетъ неслышна и незамѣтна; но бываютъ минуты, когда она пробуждается и встаетъ самолично въ миллионахъ людей. Какъ буря, ничѣмъ не удержимая, она погонитъ столбомъ эти мириады пылинокъ, не спрашивая, что каждая изъ нихъ думаетъ или хочетъ. Все закружится въ ураганѣ, когда поднимется эта сила, столь же слѣпая, столь же неумолимая, какъ и всякая сила природы. Мелкое и великое, умное и глупое, ученое и невѣжественное—все равно охватитъ одна могучая сила. Волей или неволей всѣ покорятся ей, но однихъ она сотретъ, другихъ возвыситъ. Все посторонится въ эти минуты и во всемъ явится самъ народъ: ему прежде всего побѣда или поражение, ему прежде всего слава или позоръ; онъ самъ

въ эти торжественныя минуты заявляетъ свое существованіе, рѣшаетъ свои судьбы, творитъ свою исторію. Не все что есть лучшаго въ отдѣльныхъ людяхъ, все энергическое и разумное, все возвышенное и святое выразится въ его порывѣ и дастъ ему фѣзіономію. Благо тому, чья мысль и чувство совпадутъ въ одинъ токъ съ народнымъ влеченіемъ, въ комъ народная сила найдетъ свой разумъ и свою волю, кто послужитъ ей живымъ и сознательнымъ органомъ— благо тому! Но та же сила повлечетъ безсознательно и тѣхъ, кто и не хотѣлъ бы, повлечетъ, не справляясь с нашихъ мнѣніяхъ; за-одно стукнетъ и чистый и нечистый громъ, за-одно прольется и благородная и подлая кровь. Торжественны, но и грозны бывають эти явленія народа. Напрашиваться на нихъ не должно, но надобно помнить, что съ этихъ явленій ведетъ свое лѣтосчисленіе исторія, что тутъ полагаются эпохи, что тутъ рѣшаются судьбы всемірнаго хода событій. Отъ этихъ-то минутъ идетъ въ людяхъ то, что мы зовемъ патріотизмомъ и народнымъ чувствомъ; тутъ начинается новая жизнь и новый духъ, тутъ зажигается новая мысль, тутъ мгновенно открывается то, чего прежде мы не подозрѣвали: оказывается возлѣ насъ, въ насъ самихъ то, чего мы искали за дальнимъ горизонтомъ. Все встряхнется и что было близко, то затуманится вдали, и далекое придвинется близко“.

Эти строки лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ настроеніи, какое обнимало М. Н. Каткова въ эти минуты служенія родинѣ вдохновеннымъ словомъ. Онъ не могъ не сознавать себя однимъ изъ тѣхъ, „чья мысль и чувство совпадаютъ въ одинъ токъ съ народнымъ влеченіемъ“, въ комъ народная сила „находитъ свой разумъ“. Въ угаданномъ народномъ чувствѣ почерпалъ онъ свою силу и роль свою полагалъ въ томъ, чтобы быть выразителемъ этого чувства, опредѣляющаго событія. Блестящій апопееозъ народнаго движенія въ минуты государственной опасности, — какъ въ 1812 году, какъ въ смутное время 1612 года, какъ, наконецъ, въ тогда пережившіеся дни, — заключающійся въ приведенныхъ строкахъ и выходящій отъ идеи *народа*, какъ ми-

стической силы, вылился изъ-подъ пера въ моментъ возвышеннаго историческаго настроенія. Въ этомъ представленіи о народѣ Катковъ совпалъ съ основнымъ догматомъ славянофиловъ, съ тою разницею, что, согласно славянофильскому догмату, мистическая сила народа есть нѣчто ежедневно дѣйствующее или по крайней мѣрѣ способное дѣйствовать во всякомъ вѣчѣ, во всякомъ сходѣ и мірѣ.

IV.

Есть другое понятіе, отношеніе къ которому Каткова въ ту эпоху заслуживаетъ вниманія. Понятіе это—общественное мнѣніе. „Общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени“,—говорилъ онъ въ знаменитой статьѣ своей „Что намъ дѣлать съ Польшей“, произведшей въ свое время громадное впечатлѣніе (сохранился рассказъ о потрясающемъ впечатлѣніи, какое произвела она на покойную Императрицу Марію Александровну и затѣмъ на самого покойнаго Государя). А въ концѣ статьи, безпощадно ратуя противъ бумажныхъ конституцій и какого-либо прикосновенія къ принципу взаимнаго довѣрія народа и власти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ нѣсколько мыслей о правильной организаціи этой силы, для содѣйствія власти. Достоинно замѣчанія, что вся часть статьи, трагующая объ общественномъ мнѣніи и его организаціи, исключена самимъ Михаиломъ Никифоровичемъ при перепечаткѣ недавно изданнаго собранія его статей по польскому вопросу въ 1863 году (листы, заключающіе въ себѣ статью, были напечатаны при его жизни). Выпускъ, въ примѣчаніи къ статьѣ, мотивированъ такъ: „вторая половина этой статьи была написана не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ напечатана, а потому здѣсь не перепечатывается“. Главнымъ и истиннымъ мотивомъ исключенія, — нетрудно догадаться, — было измѣненіе отношеній самого Михаила Никифоровича къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія и его организаціи, въ нашихъ условіяхъ, вынесенное изъ его политическаго опыта. Но тогда онъ писалъ: